

К. И. Козлова

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ МАРИЙЦЕВ В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Начало прочного закрепления Марийских земель в составе феодальной России было связано со взятием русскими Казани, но, как отметил М. Н. Тихомиров, фактическое подчинение всех этих земель Московскому правительству произошло только в конце XVI в.¹ С этих пор поток русской письменной информации о марийцах — различных группах «черемисы» Правобережья и Левобережья Среднего Поволжья — все более возрастает, благодаря чему мы получаем возможность для конкретных суждений о специфике этнической общности марийцев в рассматриваемый период.

Историки Марийской АССР стремятся осветить и более глубинные во времени этапы становления этнической общности марийцев, пытаются решить, например, вопрос о том, когда и в каких условиях формировалась «древнемарийская народность». По их мнению, эта историческая общность возникла в раннем средневековье и представляла собой «этническое и культурное единство в течение 5—6 столетий», но позднее XI в. она разделилась на «горную» и «луговую» группы марийского населения². Г. А. Архипов особенно настаивает на том, что «по археологическим данным» марийцы еще до XI в. «оформились этнически», получили свое имя «цармис» («черемис»), известное в письменных источниках X—XI вв. Что же касается реального и очень давнего деления их на горных и луговых, то «предпосылки возникновения двух диалектных групп марийцев складывались в первую очередь в экономических условиях, возникших к XII—XV вв., когда появились уже элементы феодальных отношений»³.

Конечно, упомянутые историки вольны в выборе того или иного термина для обозначения этнической общности марийцев раннего средневековья, но и они, вслед за многими исследователями, подразумевают под народностью определенный исторический тип этнической общности. А если так, то не лишне задаться вопросом, насколько соответствуют их общие установки взглядам на историческую категорию «народность», высказанным в новейшей литературе⁴. Любая этническая общность рисуется не просто конгломератом людей, говорящих на одном языке и имеющих сходный хозяйственно-культурный уровень, а этно-

¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 506.

² «Очерки истории Марийской АССР», т. I, Йошкар-Ола, 1965, стр. 39; Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола, 1965, стр. 184—185.

³ Г. А. Архипов, Происхождение марийского народа по археологическим данным, Сб. «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967, стр. 40, 51.

⁴ См. В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4; Л. П. Лашук, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов, «Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 96—97.

социальным организмом, развитием которого управляют исторически определенные факторы совместной (в широком понимании) деятельности людей. Эти факторы облечены в конкретную форму органических общественных связей, поддерживающих структурно и обрамляющих пространственно реальную этническую общность, в том числе и этнографически ясно зримую «народность» довольно развитого классового общества.

С историко-социологической точки зрения, к которой мы примыкаем, каждая такая общность представляется устойчивой целостностью большей или меньшей массы людей, имеющих помимо общности в языке, культуре и прочих этнических признаках, устойчивые общие гражданские интересы и симпатии, опирающиеся в конечном счете на различные формы общественного разделения труда. В обществе, становящемся классовым, все эти разновидности связей усложняются и принимают противоречивый характер, но они существуют и постоянно возобновляются (т. е. нормально функционируют), в противном случае этническая общность утрачивает внутреннее динамическое равновесие и распадается на составные части.

О социально-экономическом механизме этого общественного процесса К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...Вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», но прежде всего он существует в реальной действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд. Именно благодаря этому противоречию между частным и общим интересом последний, в виде государства, принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных — как отдельных, так и совместных интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности. Но это совершается всегда на реальной основе имеющих в каждом семейном или племенном конгломерате связей по плоти и крови, по языку, по разделению труда в более широком масштабе и по иным интересам»⁵.

В приведенной цитате есть основное, что необходимо для понимания сложного характера этносоциальных организмов в развивающемся классовом обществе. Народности феодальной эпохи формируются на развалинах прежних племенных или территориально-племенных объединений не только благодаря определенному («земляческому») тяготению друг к другу людей одного языка и этнографического уклада жизни, но и благодаря собирающим их в самостоятельную устойчивую целостность факторам: экономическим — через общественное разделение труда, и политическим — через систему формирующейся государственности. Ни одно из этих важных общественных условий формирования народности марийскими историками не проанализировано, и это заставляет подойти к их выводам с большой осторожностью.

Однако присмотримся к предложенной ими аргументации конкретных исторических фактами. По Г. А. Архипову, к IX—XI вв. «марийцы уже оформились этнически». В общепринятом понимании это должно означать, что к указанному времени в Волго-Вятском междуречье существовало население, которое послужило исторической основой формирования марийского народа, т. е. население, говорившее на языке (или языках) той же лингвистической системы, что и современный марийский язык, имевшее сходный хозяйственно-культурный уклад и выде-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. 3, стр. 31—32.

лявшееся среди окружающих иноязычных соседей специфическими особенностями быта. Возможно, что в реальной действительности все это было именно так. Но причем же здесь «народность» как особый тип этнической общности довольно развитого классового общества? Древнемарийский этнический массив конца I тыс. н. э. мог вовсе и не представлять собой единого этносоциального организма, а наоборот, что более вероятно, в тогдашних условиях перехода от строя общинно-родового к раннеклассовому он был всего лишь этнолингвистической группировкой целого ряда автономных племенных объединений.

Существование племенных объединений марийцев с самостоятельными и довольно различными диалектами подтверждается материальными исторической структуры марийского языка⁶. И нет никаких оснований предполагать слияние этих объединений в единый союз, в этнополитическую (хотя бы даже в виде намека на тип «варварской» государственности) общность, в «древнемарийскую народность» примерно к исходу I тысячелетия н. э. В это и в более позднее время отдельные группировки марийцев в силу некоторых исторических обстоятельств (внешнее военное давление и пр.)⁷ не только не консолидируются друг с другом на сравнительно небольшой территории Марийского Приволжья, а скорее утрачивают былые соседские контакты, расселяясь к северу и северо-востоку от Волги. В таких условиях даже близкородственные марийские диалекты приобретали новую силу для самостоятельного развития, хотя неизбежное при передвижении населения межгрупповое смешение осложняло процесс оформления новых территориальных диалектов.

Некоторые историки обнаруживают существование древнемарийской народности в прочном закреплении за марийцами обобщающего имени «черемисы» уже со времен Киевской Руси. Действительно, согласно русской летописи, имеют «Черемиси свой язык, Морьдва свой язык»⁸. В древнерусской литературе слово «язык» нередко означало не только отдельный «народ», «племя», но также и более широкую этнолингвистическую общность: иначе трудно истолковать известную летописную фразу о том, что «Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, послеже же Вельныяне»⁹. Упомянутая здесь «Русь» сама по себе была понятием сложным, в котором проявлялась идея единства языка, территории, культуры и государственности перечисленных восточнославянских «земляческих» группировок¹⁰. Но можно ли такого рода исторически емкое определение по текстуальной аналогии переносить на «черемису», которая причислялась к разряду данников Руси? Ни в коем случае. Для древней Руси черемисы были лишь людьми неславянского происхождения, причем, возможно, что уже с тех времен это имя было распространено как на марийцев, так и на не родственных им чувашей.

Древнерусские авторы менее всего были озабочены уточнением действительных имен отдаленных народов, границ их обитания и террито-

⁶ Л. П. Грузов, Указ. раб., стр. 184—185.

⁷ См. «Очерки истории Марийской АССР», т. I, стр. 40.

⁸ «Повесть временных лет», СПб., 1910, стр. 10.

⁹ Там же.

¹⁰ См. В. О. Ключевский, Соч., т. VI, М., 1959, стр. 130 и след.; Л. В. Черепнин, Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн. «Вопросы формирования русской народности и нации», М.—Л., 1958, стр. 25—26. В данном случае «земляческие» группировки — территориальные и традиционные по этническому самоопределению общности, соответствующие летописным «землям».

риально-племенного размежевания. «Повесть временных лет» отделила мурому от мордвы, но ни словом не обмолвилась, что мордва не единая, а составляет две большие вполне самостоятельные группировки — эрзю и мокшу. Хорошо известно, что вплоть до середины XVI в. в русской письменной традиции оставалась нерасчлененной на реальные составные части и марийская этнолингвистическая общность. Так что ссылка на древнерусскую этнонимистику Поволжья практически ничего не дает для обоснования версии о существовании марийской «народности» в XI—XII вв.

Вместе с тем интересные выводы напрашиваются при раскрытии смыслового значения самоназвания, точнее самоназваний различных групп марийского населения даже поздней поры. По мнению В. М. Васильева, «марийцы всегда себя называли *марий*, *марий калык*, *калык марий* (последнее имя встречается в молитвенных обращениях в значении „простой народ“), а также *шемер марий* от *шем марий* (в значении „черный люд“.— К. К.)»¹¹. В данном случае приведены обозначения из лугово-восточномарийского наречия. Иначе звучит имя *мариец* (букв. «муж», «мужчина», «человек») в других марийских наречиях: например в северо-западном, или «яранском» — *маре*; в горном — *мары*; при этом устанавливается их общая исходная форма (архетип) — *мари*¹².

Но означает ли это, что и далекие предки марийцев называли себя точно так же? В какой-то степени — да, ибо слово *мари*, принявшее характер этнонима, признается лингвистами очень древним заимствованием из восточных индоевропейских языков. Но, кажется, древнейшие марийцы знали и другое слово для обозначения «человека» — *мис*, *меес* (ср. самоназвание манси *мис*, фин. *ties*, эст. *tees* — «муж», «человек»), которое прозрачно проступает в этнониме *черемис* (чув. *с'армыс*, тат. *чирмеш*), имеющем, видимо, составную структуру: *с'ар* — название древнего племени + *меес* — «человек»¹³. И уж совершенно очевидно, что марийцы отнюдь не всегда себя называли *марий калык* — «марийский народ», ибо слово *калык* (горн. *халык*) — сравнительно позднее заимствование от тюрков (ср. тат. *халык*, чув. *хал'к*, алт. *калык* — «народ»). Утвердившееся среди марийцев понятие *калык*, *халык* могло обозначать как всех людей, говорящих на марийском языке, так и на любом его локальном диалекте; в обиходе же это понятие сужалось до известного круга родственников или до сельского «мира»¹⁴.

Примерно такой же характер носит древний этноним *мари* со всеми его последующими диалектными дериватами. Вряд ли подлежит сомнению, что его исконное обывденное значение — «люди», а таковыми могли быть и «нашенские, здешней земли люди» (ср. самоназвания манси — *махум*, хантов — *мыдат-ях*, эстонцев — *таа rahvas*, означающие «люди земли»), и люди совершенно посторонние — не близкие родичи и даже иного языка соседи. Положим, луговой мариец мог назвать себя и людей своего окружения *марий* в том смысле, что все они этнически составляют нерасчленимое единство, но по отношению к отличным чем-то соседям-марийцам луговой человек мог употребить дополнительное видовое обозначение. Так, моркинские и сернурские марийцы сами себя одинаково называют *марий*, но сернурские марийцы своих

¹¹ В. М. Васильев, Функциональная семантика в марийском языке, «Уч. записки Марийского НИИ», вып. I, 1948, стр. 117.

¹² Л. П. Грузов, Указ. раб., стр. 85—86.

¹³ Ф. И. Гордеев, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке, Сб. «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967, стр. 192—193.

¹⁴ И. Н. Смирнов, Черемисы, Казань, 1889, стр. 22, 107—108.

южных моркинских соседей обычно именовали *ончыл марий* — «передние (по отношению к Казани) марийцы», а моркинские называли сернурских *шенгел марий* — «задние (по отношению к Казани) марийцы». Имя *марий* фигурирует и в луговомарийском обозначении удмуртов — *одо марий*, т. е. «люди народа (племени) *од* или *уд, ут*». Соответственно горные марийцы называют чувашей *суасла мары* — «люди народа *суас*».

Есть основания предполагать, что по описанной конструкции локальных этнических обозначений строились имена отдельных древнемарийских племен; в этих именах присутствовал обязательный формант *мари* или сходные с ним, но конкретное содержание составному этнониму сообщал дополнительный определитель. Такой способ обозначения определенных этнокультурных группировок населения сохранился у марийцев и с переходом их от связей родо-племенных к территориально-соседским («земляческим»). В подтверждение этой мысли достаточно сослаться на В. М. Васильева: «Горные марийцы называют себя *кырык мары*, но другие марийцы их кличут *курык марий*; горные называют луговых — *алык мары*, также *кожла мары* — лесные. Восточные марийцы называют луговых *озан'марий* — казанские; а последние первых — *ипон марий* от слова *Упö* (произношение восточных) — уфимские марийцы»¹⁵.

Хорошо известны «земляческие» имена и более мелких территориальных групп, входивших в состав основных диалектных и этнографических подразделений марийского народа. О них писал еще И. Н. Смирнов: «Черемисы разделяются на группы, обозначающиеся именем какой-нибудь реки: севшие на Ветлуге называются Вытля-марэ, по Пижме — Пижман-марэ, по Рутке — Рдэ-марэ, по Кундышу — Кундыш-марэ, по Шуде — Шудо-марэ, по Оно — Оно-марэ, по Иру — Ир-марэ, по Юронге — Юрон-марэ, по Кудьме — Кудьман-марэ»¹⁶.

Многие из этих топонимических наименований приблизительно соответствовали границам старинных больших волостей и локальных говоров конца XVI — начала XVII в. По данным диалектологической экспедиции Марийского научно-исследовательского института 1957 г., сами марийцы Звениговского (приволжского) района, принадлежащие в целом к волжскому диалекту родного языка, различают в своей среде целый ряд «сельских» говоров: Мушмари (Кожла-Солинский сельсовет), Кужмари и Памъял (Кужмарский сельсовет), Чакмари (Красноярский сельсовет), Эсмекпиляк (Исменецкий сельсовет), Упшер (Обширский сельсовет)¹⁷. Предками носителей этих говоров было население старинных волостей Галицкой дороги: мушмарского говора — жители соседствующих волостей Первой, Второй и Третьей Мусморы; кужмарского и памъяльского — волостей Кужумора, Большой Кордем Кужумора, Кордем Кужумора; чакмарского — волости Красный Яр и т. д.

Распространенность среди марийцев устойчивых «земляческих» имен, их традиционно особый смысл, выходящий подчас за узкие пределы обычных крестьянских представлений о «наших» и «ненаших», наводит на мысль, что история и типология таких имен идет из глубины давно минувших столетий, когда марийцы были разобщены на малые и мельчайшие поземельно-родственные союзы и разобщенность эта — тер-

¹⁵ В. М. Васильев, Указ. раб., стр. 118.

¹⁶ И. Н. Смирнов, Указ. раб., стр. 17.

¹⁷ Н. Т. Пенгитов, Итоги марийской диалектологической экспедиции Марийского НИИ. 1957, «Труды Марийского НИИ», вып. XIII, 1959, стр. 178.

риториальная, диалектная, хозяйственная и т. д.— могла носить характер этнических различий даже в рамках одной этнолингвистической группировки населения Марийского Поволжья.

Соседи марийцев — чуваши, видимо, не были столь раздроблены и изолированы друг от друга, занимая до татаро-монгольского нашествия компактную территорию по южной окраине приволжских лесов от Свияги до Суры. В чувашском языке обнаруживаются диалектные различия, но не такие глубокие, как в марийском языке. Единое самоназвание *тываш* свойственно всем группам чувашского народа. Правда, их подразделяют на *вирьял* (*кайень*) и *анатри* (*малъень*), но, согласно источникам XVIII—XIX вв., любой чуваш — все равно вирьял или анатри — на вопрос «*Ас епле уруве?*» — «Какого ты рода-племени?» обычно отвечал: «*Чувашла уруве*». — «Чувашского рода (семени)»¹⁸; а на вопрос «*Кам эзе?*» — «Кто ты?» отвечал — «*Чуваш*». А уж затем спрашиваемый уточнял, к какому именно «роду» (фактически патронимии) и населенному пункту он принадлежал¹⁹. Что касается названий *вирьял* и *анатри*, то они не отличались устойчивостью: живущие по соседству группы при известных условиях могли с одинаковым успехом употребить их по отношению друг к другу²⁰. Такого четкого взаимного разграничения по многим устойчивым этнокультурным признакам, как луговые, горные и санчурско-ярские марийцы, чувашки не знали.

Эти сравнительные данные о живущих рядом (правда, неродственных) народах в еще большей степени оттеняет сделанный выше вывод о длительной разобщенности больших и малых объединений марийцев — некогда родо-племенных, а затем возникших на их этнической основе, но при иных формах общественной связи, территориально-диалектных, «земляческих». При скудости источников датировать такие явления трудно, однако никакой иной основы для формирования марийской народности, кроме указанных «земляческих» группировок, предположить нельзя, да и то при наличии благоприятных условий для их сближения и смешения.

Закат родовых отношений у марийцев совпал во времени с крайне неблагоприятными для их дальнейшего развития историческими событиями — длившимся в течение нескольких веков военным давлением со стороны то одних, то других иноязычных пришельцев. На протяжении всей первой половины II тысячелетия марийцы дробились и отступали мелкими группами с насиженных мест, частично ассимилировались — одним словом, не могли объединиться в какую-либо устойчивую целостность хотя бы на основной, занимаемой ими от Суры и Ветлуги до Вятки территории. Для взаимного сближения и налаживания разного рода межгрупповых связей необходимы были стабилизация движения народонаселения, более «плотная» внутренняя колонизация Марийского края коренным населением, развитие коммуникаций и территориального разделения труда, централизующая деятельность какого-либо аппарата общественной власти. Надо полагать, что исподволь такие фак-

¹⁸ Н. В. Никольский, Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках, Казань, 1912, стр. 312.

¹⁹ В. Д. Дмитриев, К вопросу о сложных общинах в Чувашии, «Уч. записки Чувашского НИИ», вып. XXIII, 1963, стр. 213.

²⁰ В этой связи очень интересное наблюдение было сделано Н. И. Гаген-Торн: «Точных границ, где живут вирьялы, а где анатри, у местного населения вообще не существует; название это передвигается», так как «название это среди населения обычно служит только для обозначения стороны относительно данного селения или района». (См. Н. И. Гаген-Торн, Этнографические работы в Чувашской республике, «Сообщения ГАИМК», вып. II, Л., 1929, стр. 177).

торы действовали, но крайне медленно, слабо, оставляя в стороне многие рассеянные по заволжским и вятским лесам микрогруппы. В таких условиях марийская народность не могла сложиться в течение длительного времени.

Русское правительство, утвердившееся в Марийском крае во второй половине XVI в., столкнулось здесь с довольно пестрой картиной «земляческого» размежевания коренного населения. Это особо подчеркнул хорошо осведомленный автор «Казанской истории»: «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три, 4 язык варварский, той владееше ими; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наричет луговая, низоты ради и равности земля тбоя... В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных...»²¹.

Последняя по времени интерпретация этого текста принадлежит Г. Н. Айплатову, который, в частности, пишет: «В данном случае под собирательным названием „горная черемиса“ имеются в виду чуваш и горные марийцы. Три „языка“ (народа) Казанской земли — это марийцы, чуваш и удмурты („черемиса, зовемая отяки“). Ими владел четвертый „язык“ (народ) — татары»²². И действительно, из самого текста «Казанской истории» вытекает, что под именем «горной черемисы» его автор прежде всего имел в виду чувашей, живших в районе Свияги и западнее, но, вероятно, ему были известны и горные марийцы, раз он разделяет «черемису» на три языка. Поэтому нельзя согласиться с Айплатовым, что третий «черемисский язык» — это удмурты.

Во-первых, достаточно осведомленный участник взятия Казани князь А. М. Курбский, опиравшийся на какие-то местные сведения, различал языки²³ «чуважский, черемиский, войтецкий або арский». Во-вторых, слова «Казанской истории»: «Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах»²⁴ нельзя принимать всерьез, так как они излагают не собственные наблюдения автора, а какую-то легенду. Спутать луговых марийцев с удмуртами автор «Казанской истории» мог и потому, что те и другие наезжали в Казань с вятской стороны, и потому, что луговые марийцы себя называли «марий», а удмуртов «одо марий» (т. е. в переводе на русский — «отяцкие черемисы»).

Как бы то ни было, горномарийское наречие настолько отлочно от лугового, что и в наши дни существуют две литературные формы марийского языка, сложившиеся вследствие своеобразия фонетического оформления общемарийских слов в горном наречии и наблюдающихся в нем многочисленных лексических расхождений с другими наречиями²⁵. Такие различия вряд ли были меньшими в XVI в., поэтому горные марийцы, жившие рядом с чувашами и имевшие с ними уже тогда много общего в культуре, но оторванные от собственно луговых марийцев, вполне могли рисоваться русским людям особым «языком» — народом.

Упоминание в «Казанской истории» «черемисы кокшаской и ветлужской», противопоставленной в хозяйственно-бытовом отношении

²¹ «Казанская история», М.—Л., 1954, стр. 86.

²² Г. Н. Айплатов, Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVIII в., Сб. «Происхождение марийского народа», стр. 141.

²³ А. М. Курбский, История о великом князе Московском, СПб., 1913, стр. 45.

²⁴ «Казанская история», стр. 48.

²⁵ «Языки народов СССР», т. III, М., 1966, стр. 241.

«горной и луговой черемисе», может, конечно, навести на мысль, что третий «черемисский язык» — это северо-западное наречие марийского языка, отличное и от горного и от лугового наречий²⁶. Но, судя по маловразумительной и фактически неверной характеристике этой «черемисы» («ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиноу питаются живут аки дикий») упомянутый историк знал кокшайских и ветлужских марийцев только понаслышке и вряд ли задавался целью определить характер их языка: ему было достаточно отметить, что «в той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская».

Кстати, в свете только что приведенного текста становится ясно, что русские люди XVI в. вовсе не считали всех марийцев, живших по левую сторону Волги, «луговой черемисой». Подтверждение этому мы находим в различных источниках. Князь Курбский отмечал, что Галицкая дорога «яже суть от Луговые Черемисы», «залегохом пути от всея Луговые Черемисы, яже ко граду лежат», т. е. тяготеют непосредственно к Казани²⁷. Примерные западные и северо-западные пределы этого тяготения прослеживаются по некоторым ранним документальным свидетельствам. В 1560-х гг. на Казань шли дороги «Галецкая и Кокшаская», по которым «приходят воевати кокшайские и луговая черемиса»²⁸. Простой взгляд на географическую карту показывает, что луговая черемиса Галицкой дороги была к Казани ближе кокшайской (в данном случае обитавшей скорее по верхней части Малой Кокшаги, нежели по Большой Кокшаге). В другом документе фигурируют луговые «казанские черемисы волости Кужуморы»²⁹ (вспомним упоминавшуюся выше диалектную группу Кужмари Звениговского Приволжья), а волость эта располагалась в Междуречье Нижней Илети и Малой Кокшаги, как раз на границе, отделявшей Галицкую «дорогу» (т. е. старинную «даругу» — область) от Кокшайского уезда.

Характерно, что «Летописец Русский» в части, касающейся левобережных марийцев, не дает им всем имени собственного «луговая черемиса», а называет их «луговыми людьми» вообще или выражается так: «государь посылал на луговую сторону, на изменников, на черемису. И воеводы пришли в волость в Вошлу (в верхней части М. Кокшаги. — К. К.). А воеводу Ивана Петровича с товарищи отпускали... в Ветлугу и в Рутки (где говорили по-горномарийски. — К. К.)»³⁰. Да и не мог этот источник, составленный по горячим следам войны с Казанью и ее союзниками, назвать всех левобережных марийцев «луговой черемисой», так как ветлужские, руткинские и кокшайские марийцы представляли собой этнические группы, заметно отличавшиеся от собственно «луговой, казанской черемисы»³¹. А. Курбский о последней писал, что «ибо тот Черемиский язык не мал есть»³², т. е. как «язык» (здесь «народ» — К. К.) претендует на роль самостоятельной этнической общности.

²⁶ И. Егоров, Лексика северо-западного наречия марийского языка, «Труды Марийского НИИ», вып. XV, 1961, стр. 146.

²⁷ А. М. Курбский, Указ. раб., стр. 23, 26.

²⁸ «Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г.», «Материалы по истории Татарской АССР», Л., 1932, стр. 50, 52.

²⁹ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, ч. 2, Саранск, 1951, стр. 151.

³⁰ «Летописец Русский», М., 1895, стр. 10.

³¹ И поздние русские документы выражались обычно так же: «по луговой стороне черемиса» и «нагорные стороны черемиса». («Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, ч. I, М., 1957, стр. 249, 250.)

³² А. М. Курбский, Указ. раб., стр. 67.

По Курбскому, луговая черемиса равнозначна приказанским марийцам Галицкой дороги. В качестве податной области — «даруги», «казанского улуса» — Галицкая «дорога» существовала задолго до взятия Казани и еще два столетия спустя. По русским писцовым и переписным книгам хорошо известны географические очертания этой «дороги», которые в основном совпадают с границами волжского диалекта марийского языка, но частично захватывают и территорию близкого им моркинско-сернурского говора³³. Некогда Морки входили в состав Алатской «дороги», но их население сохранило традиционное представление о марийцах волжского диалекта как о *лышал марий* — «ближних, родственных людях». В свете этих данных есть основания считать «луговую черемису Галицкой дороги» одним из крупных «земляческих» объединений марийцев, сложившимся еще задолго до взятия Казани.

Современные лингвисты выделяют в составе марийского языка обширный моркинско-сернурский диалект (положен в основу луговосточной литературной формы). Территориально он совмещается с Алатской «даругой», подвластной еще Казанскому ханству, и в качестве одноименной «дороги», вошедшей в состав Казанского уезда при Московском правлении. Видимо, коренное население этой «даруги» — «дороги» издавна также составляло какое-то этническое образование, чисто географически разделявшееся на моркинских *ончыл марий* и сернурских *шенгел марий* (см. выше).

Организуя во второй половине XVI в. административно-фискальное и военное управление Марийским краем, московским властям незачем было задумываться над тем, как лучше всего размежевать населенные марийцами земли бывшего Казанского ханства. Две крупные «земляческие» группировки марийцев — Галицкой дороги (волжская) и Алатской дороги (моркинско-сернурская) — представляли собой сложившиеся, однородные в диалектно-культурном отношении образования со стойкими органическими связями, которые не имело смысла разрушать, их можно было использовать для нужд воеводского управления.

Труднее было произвести поуездное межевание остальной части Марийского края, совсем не знаящей казанского управления или подчинявшейся ему номинально. И надо сказать, что это межевание было совершено довольно удачно, так как в основном учитывало давно сложившееся «земляческое самоопределение» коренного населения.

Исключением был учрежденный раньше других и в спешном порядке (сразу же после марийского восстания 1571—1573 гг.) небольшой Кокшайский уезд в составе левобережной, в низовьях Большой Кокшаги, Чемурушинской волости с марийским населением («Кокшаского уезда черемиса Чемурушинской волости польских деревень»)³⁴ и правобережной Сундырской волости с чувашским населением («Кокшаского уезду чуваша и черемиса Сундырской волости»)³⁵. Этот этнически разнородный искусственно образованный уезд именовался в официальных документах XVII в. «чуваша и черемиса Кокшаского уезду розных волостей и деревень», в него входило, по данным 1681 г., всего 218 ясачных дворов³⁶. О марийской части этого уезда можно сказать только то, что в диалектном отношении она отличалась от соседней группы волжского

³³ См. Н. Т. Пенгитов, Указ. раб., стр. 180—182.

³⁴ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, ч. 2, стр. 191.

³⁵ В. Д. Димитриев, К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии, «Уч. записки Чувашского НИИ», вып. XIV, 1956, стр. 199.

³⁶ Г. Н. Айплатов, Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII в., Канд. дисс., М., 1965.

говора Галицкой дороги и примыкала к расположенному севернее, в бассейне М. Кокшаги, населению Царевококшайского уезда³⁷.

Совершенно иной этнический состав был в обширном Козьмодемьянском уезде, включавшем земли по Горной и Луговой стороне на крайнем западе расселения марийцев. Еще до официального учреждения уезда и его волостных подразделений здесь существовала организация населения по «сотням» и «пятидесятиям», возникшая, видимо, не без воздействия Казанского ханства. Луговая сторона в бассейнах рек Ветлуги, Рутки, Арды и в междуречье Рутки и Б. Кундыша, притока Б. Кокшаги, была заселена небольшими, территориально изолированными группами марийцев. Они жили в мелких деревнях, расположенных нередко на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому и в начале XVIII в. здесь были только «пятидесятни» (Токсубаева, Янигитова, Тохпаева), хотя число учтенных мужских душ в каждой из них тогда составляло до 400 и более человек³⁸. Старинные «сотни» располагались на Горной стороне (Ахпарысова, Аказина и Тенякова), где марийское население было густым и проживало во многих населенных пунктах от р. Суры до р. Сундырь. С юга и юго-запада к этим «сотням» вплотную примыкали поселения чувашей, также организованных в «сотни», а одно такое объединение — Кобяшева сотня — имело смешанный марийско-чувашский состав.

Очевидно, эти подразделения местного населения на крайнем западе Марийского края имели какое-то тяготение друг к другу, если московская администрация сочла необходимым объединить их в один Козьмодемьянский уезд. Сотенная организация в приволжском районе не была разрушена, но с учреждением Козьмодемьянского уезда вводилось его деление на четыре волости: горную Юнгинскую, луговую Руткинскую, а в бассейне Ветлуги — Ветлужскую и Ошарасскую. В языковом отношении все эти группы относились к *курук-маре* — горным марийцам и, вероятно, были связаны единством происхождения. Аборигенное ядро занимало Горную сторону, ветлужские и заволжские группы марийцев в период присоединения к России представляли собой потомков переселенцев из Правобережья.

Выделение на Горной стороне только одной, причем очень обширной Юнгинской волости обосновывалось тем, что ее марийское население составляло сплоченный земляческий союз, за которым в глубине веков угадывается особая племенная группировка. На это обратил внимание еще И. Н. Смирнов, записывая марийские предания о древних героях и правителях: «Козьмодемьянские черемисы и доселе знают «землю Акпарса», одного из подобных старейшин. На территории Акпарса стоят нынешний город Козьмодемьянск, села Пернягаш, Пертнур, Еласово, Владимирское, Емелево, Троицкий посад, Большая и Малая Юнга; словом, ему принадлежал весь нынешний Горночеремисский край до Суры. Предание прибавляет, что ему же принадлежали огромные леса на левом берегу Волги, по Ветлуге»³⁹.

Вероятно, Акпарс (Ахпарыс) был реальной и незаурядной личностью — местным предводителем, «сотным князем», если его имя до конца XVIII в. носила самая крупная «сотня» горных марийцев, занимавших земли от нижней Суры до правобережья р. Юнги, вплоть до

³⁷ Н. Т. Пенгитов, Указ. раб., стр. 180.

³⁸ В. К. Магницкий, Город Кузьмодемьянск и его уезд по 1-й народной переписи (1718—1722 гг.), «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XIII, вып. 5, 1896, стр. 434—435.

³⁹ И. Н. Смирнов, Указ. раб., стр. 25—26.

с. Владимирского (Бассурманово) и от современной южной границы Марийской АССР до Волги.

Официальное название населения этой сотни в XVII в. «Акпарысовы сотни Юнгинской волости ясачная черемиса». С основанием г. Козьмодемьянска, русских дворцовых и монастырских сел Воскресенского и Малоюнгинского с деревнями земельные площади Акпарысовой сотни были сильно урезаны. По губернской реформе Петра I от нее было отмежевано Нижнее Присурье, но все равно по первой подушной переписи, «в Акпарысова сотне за отсылкою в Нижегородскую губернию в остатке 1265 душ», т. е. значительно больше, чем в самой крупной марийско-чувашской Кобяковской сотне (1082 души), не говоря уже о левобережных марийских пятидесятнях⁴⁰. Генеральное размежевание крестьянских дач конца XVIII в. уцло давние земляческие связи горных марийцев и определяя бывшую Акпарысову сотню как самостоятельное волостное образование, узаконило огромную, свыше 39 тыс. дес. Ценибековскую крестьянскую дачу Акпарысовых и «обще с ними» Алдышевой, Аказиной, Тяняковой горных волостей и левобережных ардинских марийцев⁴¹.

Практически в эту дачу вошла большая часть горномарийских населенных пунктов, и не случайно поэтому в сознании местных жителей упрочилось представление о «Большой веревке» — окружной меже, по-марийски *кэрэм*, которое В. М. Васильев трактует, как «район, удел, земельная граница горных марий»⁴². Эта «Большая веревка» была наследием давнего «земляческого» объединения горных марийцев с одним диалектом, укладом и этническим самосознанием. К ним примыкали левобережные руткинско-ардинские марийцы, долгое время сохранявшие предания о том, что их предки были пришельцами с Горной стороны⁴³.

Несколько особняком стояли ветлужские марийцы, традиционно называющие себя собственным именем *вытля маре* и имеющие говор, несколько отличный от коренного горномарийского наречия. Вероятно, в этом определенную роль сыграла территориальная обособленность, усиленная тем, что с XVII в. на низовьях Ветлуги появляется значительное русское население, отделившее широкой полосой быстро обрусевших *вытля маре* от их горномарийских сородичей⁴⁴.

Но вышеописанными явлениями этнолингвистическое многообразие марийцев на основной территории их расселения не исчерпывается. Пристального внимания заслуживают еще две старинных группировки этого народа — санчуро-яранская (северо-западная) и малококшайская (центральная). Видный языковед прошлого М. Веске, определяя границы марийских диалектов, писал, что к северу от горномарийского наречия, на котором на Луговой стороне говорят еще в трех смежных с Козьмодемьянским уездом деревнях Большой и Малой Шудогуш и Килемары Яранского уезда (по административному устройству 1781 г.), проходит граница наречия (по современной лингвистической номенклатуре, северо-западное наречие), которое «хотя и отличается от горного наречия,

⁴⁰ В. К. Магницкий, Указ. раб., стр. 433—435.

⁴¹ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 1355, д. 407, лл. 6—56.

⁴² Упрямарий (В. М. Васильев), Марий мутэр, М., 1928, стр. 101.

⁴³ К. С. Рябинский, Ардинский приход Козьмодемьянского уезда, «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XVI, вып. 2, 1900, стр. 179.

⁴⁴ К. И. Козлова, Марийцы Горьковской и Кировской областей, «Труды Марийского НИИ», вып. XVI, 1961, стр. 183 и сл.

все-таки стоит к нему гораздо ближе, чем к наречию, на котором говорят к востоку от Яранского уезда, именно в Уржумском уезде Вятской губернии... Центром этого говора является посад (прежний уездный город) Царевосанчурск»⁴⁵.

Далее М. Веске приводит любопытные этнографические сведения: «Названная деревня Килемаре находится только около пяти верст от Яранской же деревни Ломбенура..., а между тем до сих пор не было случая, чтобы килемарский мужчина женился на девушке из Ломбенура или, наоборот, килемарская девушка вышла замуж за ломбенурского мужчину. Килемарские черемисы берут невест из Козьмодемьянского уезда, ближайšie деревни которого лежат в верстах двадцати-тридцати через болотистый лес и из Макарьевского уезда (с. Ветлуги.— К. К.), черемисские деревни которого также далеко от Килемаре. Здесь как граница говора, так и граница наряда и брачных союзов, весьма разна. Так же в прочих деревнях на юге Яранского уезда и на севере Козьмодемьянского уезда... Была ли здесь когда-либо также политическая граница — это небезынтересно было бы исследовать»⁴⁶.

Какая-либо «политическая граница» в данном случае не усматривается, но очевидно граница между традиционными земляческими группировками средневековых марийцев. Упомянутая деревня Килемары на р. Б. Кундыш была своего рода северо-восточным форпостом горномарийского наречия, вынесенным со стороны руткино-ардинского куста. Она входила в состав старинной Янигитовой пятидесятни, принадлежавшей позднее к Ардинскому церковному приходу⁴⁷, но была отмежевана от ближайшей (ниже по течению Б. Кундыша) Сорококундушской волости, приписанной в конце XVI в. к Царевосанчурскому уезду.

На 1584 г. приходится начало организации двух смежных уездов с чисто марийским населением — Царевосанчурского и Царевококшайского. Из более поздних документов мы узнаем, что Царевосанчурский уезд вобрал в свой состав 14 волостей — мелких земляческих союзов, группировавшихся в основном в бассейне Б. Кокшаги (Большая и Малая Мамокша, Лижненская, Цокеевская, Шаптинская, Удюрминская и др.), но также выдвинувшихся к западу, в сторону Ветлуги (волости Устинская, Черномужнинская), и несколько к востоку, на р. Б. Ошлу (Туршинская волость). По современному административному делению — это Санчурский, Кикнурский и Шарангский районы Кировской области. Несколько особняком стояла упомянутая выше Сорококундушская волость⁴⁸. Марийское население очерченного района складывалось, видимо, за счет переселенцев, приходивших с юга, по Кокшагам, с юго-запада, по Рутке, может быть, и с запада, со стороны Ветлуги.

В целом язык марийского населения этого района лингвисты относят к особому северо-западному наречию, но при этом подчеркивают, что он «не представляет собой цельной картины: в нем имеются отдельные говоры с характерными особенностями. Например, язык жителей Шарангского района по своим особенностям имеет уклон в сторону горного наречия. По мере продвижения к Тоншаево и через Тужу в сторону Яранска элементы горного наречия постепенно уменьшаются и, наобо-

⁴⁵ М. Веске, Исследования о наречиях черемисского языка, «Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. VII, 1889, стр. 4.

⁴⁶ Там же, стр. 4—5.

⁴⁷ В. К. Магницкий, Указ. раб., стр. 434; К. С. Яблонский, Указ. раб., стр. 177.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6468

рот, особенностей лугового наречия становится все больше и больше»⁴⁹. Конечно, эти наблюдения относятся к недавнему времени, а в XVI—XVII вв. диалектологическая картина района могла быть несколько иной, но все-таки лингвистический материал вселяет уверенность, что и при учреждении Царевосанчурского уезда здешние жители не причисляли себя ни к горным, ни к луговым марийцам. Для русской администрации они были особой группировкой населения — «санчурской черемисой».

В источниках упоминается и соседняя «яранская черемиса», обитавшая в районе г. Яранска, основанного в 1591 г., но это была скорее чисто территориальная, нежели особая этнолингвистическая группа марийцев, так как в диалектном отношении она всецело примыкала к северо-западному наречию⁵⁰. Хотя в Яранском уезде проживало довольно много марийцев, однако его этнический состав был неоднородным, со все более возрастающим значением русского элемента. В 1670 г. «в городе Яранску всякие служилые люди и уездные крестьяне (русские.— К. К.) и ясачная черемиса живут»⁵¹.

Под 1555 г. в русской летописи помещено сообщение о походе русского войнства на спокойных кокшайских марийцев. При этом впервые названы марийские волости (Хозякова, Вошла, Мазары, Б. и М. Орша. Монам и др.), тесно группировавшиеся в верхней части р. Малой Кокшаги⁵². На базе этих мелких земляческих союзов, в целом, несомненно, составлявших этнолингвистическое единство, в 1584 г. был образован Царевококшайский уезд в составе восьми волостей — Азяковской, Великопольской, Кокшайской, Кузнецовской, Кугунурской, Мананской, Нолинской и Ошлинской⁵³. Границы этого старинного уезда в основном совпадают с районом распространения выделенного ныне йошкар-олинского говора, который составляет особое подразделение лугового наречия, так как имеет целый ряд своеобразных черт, не свойственных другим марийским диалектам⁵⁴. Луговые марийцы волжского и моркинско-сернурского говоров в «земляческом» отношении всегда отличали себя от «чарла марий».

Таковы наиболее крупные научно-распознаваемые земляческие группировки марийского населения в период прочного их закрепления в составе Русского государства. Этнолингвистическое разнообразие этих групп объясняется не только их территориальной разобщенностью, но и, надо полагать, происхождением от различных древнемарийских племенных общностей, которые с разрушением родовых связей и возможным сдвигом и смешением соседствующего одноязычного населения послужили этническим ядром вновь формирующихся земляческих объединений большей или меньшей величины. И вряд ли тогда, на рубеже XVI и XVII вв., уже активно действовали такие социально-экономические силы (их течение обнаружилось одним-двумя столетиями позже), которые бы стягивали автономные группировки родственного по языку населения в устойчивую этносоциальную общность.

⁴⁹ И. С. Галкин, Л. П. Грузов, Некоторые итоги диалектологической экспедиции Марийского НИИ 1958 г., «Труды Марийского НИИ», вып. XIII, 1959, стр. 191.

⁵⁰ Л. П. Грузов, Указ. раб., стр. 8.

⁵¹ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, ч. 1, стр. 295.

⁵² «Летописец Русский», стр. 25.

⁵³ Г. Н. Айплатов, Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVII в., стр. 145.

⁵⁴ Д. Г. Казанцев, Редуцированные гласные в йошкар-олинском говоре марийского языка, «Труды Марийского НИИ», вып. XVIII, 1964, стр. 23.

SUMMARY

The article is devoted to finding the main regularities of ethnic processes which began with the desintegration of the ancient tribal communities and led historically to the emergence and evolution of the mediaeval nationality (*narodnost'*). The author shares the view that ethnic communities always constitute historically formed social organisms; various peoples are distinguished from each other by traits which have arisen in the course of their social-economic evolution. The author's conclusions are based on factual data on the history of the Mari in the Middle Volga Region in the period of their incorporation into the state of Russia (second half of the XVI—beginning of the XVII centuries). These conclusions are: firstly, in the period of early European Middle Ages, as a result of the desintegration of pre-class relations, the Maris constituted merely an ethno-linguistic unity (genealogical—in the sense of genesis and language) subdivided into a certain number of territorial groups; secondly, living remnants of these groups, their characteristics already transformed into those of territorial alliances, were the actual form of the ethnic units of the Maris in the period when they became part of Russia.
